

М. М. Пришвин в лесу в районе реки Пинега. 1935.
Инв. номер: ФО-10646.

© П. М. Пришвин / ФГБУК «Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля».
Номер в Госкаталиге: 57526418. Печ. по фотокопии, сохранившейся в фонде Л. И. Скорино в Архиве литературной жизни XX века

Прошла моя жестокая молодость, теперь я ружье беру только, чтобы добыть себе пищу. Вот убил вчера двух глухарей, теперь хватит нам дня на три, и я иду без ружья за грибами стариком, будто иду в свой настоящий дом, где такой мир, такая радость, такая слава жизни в росе. Грибы такие глазастые смотрят на меня со всех сторон. Кто не обрадуется этому всему?

Цит. по: Пришвин М. М. Собр. соч. : в 8 т. / редкол.: В. В. Кожинов и др. ;
[ил. Ф. В. Домогацкого]. М. : Худ. лит., 1986. Т. 8: Дневники, 1905–1954 /
[Сост., подгот. текста и comment. Т. Н. Бедняковой и др.]. С. 217.

Лесной жемчуг

«Дикие грибы растут на всякой га-
дости и впитывают тяжёлые металлы»;
«Это таблица Менделеева, а не еда»;
«Лучше в супермаркете шампиньоны
купить... Я киваю и иду в лес. Советовать
грибнику шампиньоны из супера —
всё равно что скалолазу рекомендовать
смотровую площадку вместо Эвереста.
Лесные грибы — это не еду, это про
эстетику».

Процесс созиания — азартная
игра. Лесной покер, прятки на инте-
рес. Надо идти медленно, краудясь, вни-
мательно оглядываясь, чтобы не
пропустить среди лоскутов мха пугов-
ку гриба. Не раздражаться, даже если
корзинка подолгу пустует. Вести се-
бя так, словно «не очень-то и хотелось»,
вообще тут просто гуляю». Только
грибной покерфейс и неусыпное вни-
мание! Ведь лес тоже играет, прятает,
обманывает. Видишь вдали огонёк му-
хомора — не верь! Обязательно подой-
ди, посмотря вокруг: ядовитые гри-
бы часто растут рядом со съедобными,
словно бы для охраны богатства, в ка-
честве стражей. Видишь удобную тро-
пинку — не ходи по ней, бесполезно.
Лезь в гущу царящих ёлок, они тоже
охранники. Нужна настырность, го-
тowość разглядеть спрятанное, от-
личить от упавшего листика бархати-
стый или маслянистый «лотерейный
билетик». И тогда — bingo!

Выигрыши оцениваешь по частям:
толстая ножка — уже хорошо, испод
шляпки губчатый — вообще большой
куш. Это представитель одного из са-
мых благородных семейств. Белый та-
кой плотный толстяк, что как среза-
ешь — следят ножки в земле, будто лужи-
ца сметаны. Подберёзовики змеятся из
глубины мха и хвоста, до начала их
«хвоста» нужно докопаться, а не рубить
гриб посередине, ведь ножка — самое
мясистое. А у подосинников, подуб-
ников и моховиков шляпки будто раз-
ноцветной замшой обтянуты — кажут-
ся игрушечными. Все они настолько на-
рядно-благородные, что их любой, даже
совсем не лесной человек угадает. А вот
ножка тонкая плюс пластичный

ноги в справочниках — «условно съедоб-
ные» — означает: «неплохо, но лучше
выварить». Однако с детства разбира-
ясь именно во второстепенных грибах, я
ощущаю себя носителем какого-то осо-
бенного, колдовского знания. Я сбира-
ю лесной жемчуг, я шаман!

На прогулках моя пластиковая ко-
робка очень быстро наполняется туго-
ми белоснежными дождевиками. А ещё
сверху три сырьёки и семеро козлят,
как в сказке. «Да у вас же в основном по-
ганки». — Пожимает плечами случайн-
ая встречная тётушка. О нет, вы про-
сто не слышите грибы! Поганки пахнут
тревожно, неприятно, словно сами же
предупреждают об опасности. У съедоб-
ных же грибов аромат добрый, друже-
ственный, сладкий и порой даже больше,
чем цветочный, по пышности.

А вот у моих родителей — провинци-
альных актёров — просто не было выбо-
ра. Грибы раньше называли: «мясо для
бедняков». И они действительно очень
выручали, делая простую картошку на-
стоящим деликатесом. Ведь ни на что
особенное зарплаты не хватало, а так
хотелось вкусненького. Одно из чудес-
нейших воспоминаний детства — чу-
гунная сковорода, полная жареной
картошки с грибами, пряма на сто-
ле, на разделочной доске. Вилкой с нее
есть можно и нужно, ведь ни о каких
антитригарных покрытиях речи ешё
нет, а корочка, которую отдираешь

и олени рожки пугают коммерсантов
своей «условной съедобностью». Не бы-
ло бы этой «условности», стоило бы, на-
верное, её выдумать, чтобы она, как тот
мухомор, хранила волшебство.

Всё это великолепие большинство
людей считают поганками. Определе-

Неважно, какой вы грибник. И грибник ли вообще. Даже если вы ходили за грибами только в раннем детстве. Возможно, вы и есть их не любите — что, конечно, смешно. Всё это неважно.

Грибы вписаны в код русского человека. Даже в детский букварь они вписаны. Так что все эти фантастические сюжеты про симбиоз человека и гриба — никакая не фантастика. Может, где-то там и фантастика, а у нас нет.

Осень — время грибов. Пора!

едим, а те, что нас едят». Грибы солили, варили, жарили и обязательно сушили, используя потом весь год очень экономно, так как к следующему грибному сезону в банке ещё оставалась ароматная, хоть и уже совершенно перегнившая на вкус взвесь — щепоть волшебства.

Как давно это было. Но теперь-то в чём смысл шататься с коробкой по лесу? Я же не голодая. Грибы — не замена мясу. А если бы были замены, купить в магазине — дело пяти минут. Будут хоть солёные груди, хоть картошка с лисичками. Вот только волшебства не будет.

Как-то раз узнала, что знакомый пе-

НО САМЫЕ ТРОГАТЕЛЬНЫЕ И ВОЛШЕБНЫЕ — ГРИБЫ-НЕСТАНДАРТЫ, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС УЖЕ МАЛО КТО ЗНАЕТ И ПОЧТИ НИКТО НЕ БЕРЁТ, БОЯСЬ ОТРАВИТЬСЯ

рестал есть огурцы. Вдруг как отрезало — ни кусочка. «Понимаешь, — объяснил он, — когда я был маленьким, зимних огурцов не существовало. Но зато я помню восторг, когда появлялись первые парниковые, в мае. Длинные, как змеи, лысые, водянистые, но настоящие! Они есть можно и нужно, ведь ни о каких антипригарных покрытиях речи ешё нет, а корочка, которую отдираешь

и олени рожки пугают коммерсантов
своей «условной съедобностью». Не бы-
ло бы этой «условности», стоило бы, на-
верное, её выдумать, чтобы она, как тот
мухомор, хранила волшебство.

Ярослава Танькова

О грибах и людях

В те времена, когда я была ещё не очень большим, четырёхлетним человечком, было мне совершенно неведомо, что люди делятся на мифофобов и мифофилов. Первые грибов боятся, а вторые их любят. Собственно, размышления о том, как именно первые боятся и за что вторые любят, привели меня к небольшому лирическому воспоминанию внутри другого воспоминания, спрятанному одно в другом, как матрёшка. Первое воспоминание принадлежит мне, человеку, родившемуся в середине 80-х годов прошлого века, а второе — моей чудесной бабушке, родившейся в 20-е годы того же века, что и я, то есть уже сто лет назад.

Благодаря многочасовым и много-
километровым походам выходного дня, совершающимся вместе с папой, двумя
плетёными из красного ивицы корзинами, а также с двумя перочинными но-
жами — побольше и поменьше, — бла-
годаря этим походам в песчаных, зарос-
ших соснами, окрестностях реки Ящеры, протекающей недалеко от города Луги, я и уяснила вполне твёрдо, что сырое же-
ку собирать и жарить в сметане можно, но гриб это так себе, неблагородный, на
безрыбье, так сказать, гриб. Кроме того, кажется, примерно тогда же папе удалось закрепить в моём сознании на со-
лидных ремнях логики мысль о том, что
никогда нельзя выходить без складно-
го перочинного ножичка, — потому что
выйдешь из дома, а вдруг там гриб? А ты
без ножичка и к встрече не готов, вот пе-
чально несостоевствство! Правда, перо-
чинный нож — это ещё одна тема для ли-
рического отступления. Ножи-мульти-
тулы грибники тоже заводят, но, кажется, тайно презирают, считая их селек-
тивно и бессмысленно выведенной поро-
дой декоративных предметов, ценимых
за экстерьер более, чем за сущностное
содержание. То ли дело — старинный,
складной, видавший виды и экзотиче-
ские страны советский ножичек с баке-
литовой переливающейся ручкой, а в ней
с двух сторон торчат глазки гвоздиков,
вокруг которых пространство потемне-
ло и покрылось дополнительной патиной
приключений.

Плох также тот грибник, у которого
нет кашюона на куртке и резино-
вых сапог, надетых на толстые шерстя-
ные носки, — плачевна может быть его
участь, когда он сначала промочит
и застудит ноги, а потом будет атакован
клещами и комарами. Или наоборот.

...Накануне нового грибного сезона,
изрядно изумившись «их нравам»,
я прочла книжку Лонг Литт Вун, из-
данную Ad Marginem «Путь через лес.
О грибах и скорбях», описывающую опыт
преодоления горя и одновременно по-
гружения в культуру мифофии в Нор-
вегии. Занимательность этого крупного
 очерка, вполне укладывающегося
в стол модную ещё недавно концепцию
«литературы травмы», строится, с одной
стороны, на зверино-серёзном, научном
подходе к делу сбора грибов, а с другой —
на том, что чувствуется ирония автора,
погрузившегося с энтузиазмом нео-
фита в причудливый мир «компетент-
ных грибников», маниакально скрыва-
ющих друг от друга грибные места, сда-
ющих экзамен на определение 150 видов

грибов и меняющихся невообразимы-
ми рецептами грибных десертов. Лонг
Литт Вун азартно сплетничает о куль-
туре сбора грибов в цивилизованной
европейской стране и приводит интерес-
ную этнографическую черту: в Нор-
вегии сбор грибов — это почти аристо-
кратическое, интеллектуальное заня-
тие, не так давно возникшее
в культуре страны, и чем ниже социаль-
ный статус человека, тем меньше в нём
доверия к грибам и интеллектуальной
потенции.

Эта странная инопланетная оптика
напомнила мне историю о грибах, мно-
гократно и красочно рассказанную мо-
ей бабушкой, оказавшейся в годы ВОВ
в немецкой оккупации, но всегда вспо-
минавшей об этом периоде своей жизни
в духе еврейских анекдотов. Что
было тому причиной — её боевитость,
отсутствие жестокости в характере
у конкретных людей в немецкой фор-
ме или желание, пройдя сквозь земное
чилище, хранить в памяти толь-
ко светлое или смиренное, нам уже не уз-
нать, бабушка отправилась в лучший,
чем этот, мир, а вот её байки остались.

Итак, ранняя осень 1941 года, не-
мецкая армия подошла к Ленинграду, од-
но из небольших подразделений за-
няло деревенку Караулку, установив
там свои немецкие порядки: все взрос-
лые жители должны были ходить на
работы, обслуживая ветку железной
дороги, а не шататься по лесам, скола-
чивая партизанские отряды. Повсюду
были расставлены посты, патрули кон-
тролировали все передвижения вокруг
деревенки. Но разве возможно запре-
тить русскому человеку собирать гри-
бы? И вот немецкий патруль на опушке
леса натыкается на компанию девуш-
ек с корзинками, останавливают их
и требуют предъявить содержимое кор-
зин. Тут кровь, конечно, холодаёт от
воображения будущих ужасов, а не-
мец, приговаривая: «Nicht gut! Nicht
gut», начал выбрасывать из ивицо-
вой корзинки крепкие боровики с шо-
коладными шляпками, нарядные крас-
ные подосиновики и подберёзовики,
и только обнаружив немного кудрявых
оранжевых лисичек, авторитетно и съ-
то промычал: «Gu-u-ut!» — оказывает-
ся, в Германии собирают и едят только
эти смешные тщедушные грибочки,
а наши «породистые» считают несъ-
едобными. Был ли известен этот факт
моей бабушке, а тогда совсем юной
и очень вспыльчивой девице, не так
важно, потому что в этот момент, она,
утратив над собой всякий контроль,
с видом валькирии кинулась собирать
раскиданные по насыпи грибы, гро-
зя немцу девичим кулаком и громко
возмущаясь: «Я тебе покажу наших гут!
Сам ты наших гут! Фашист!»

Говорили потом, что её отец, при-
бывший из деревни как-то выручать де-
вичку, наблюдая эту сцену, поседел
в один момент. Но никаких репрессий
почему-то не последовало, — может,
проступил не посчитали серёзным,
а может, решили не связываться с дев-
чонками, которые корзинами едят ядо-
вите грибы и не бояться спорить
с вооружённым конвоем о свойствах
лисичек.

По дачному шоссе пошли мы на стан-
цию и долго ожидали электрички. На
платформе было полно народу, повсюду
стояли узлы и чемоданы, корзины
с яблоками и с грибами, чуть ли не у
каждого в руке был осенний букет.

Прошёл товарный поезд в шесть-
девять вагонов. У станции электровоз взре-
вал, и Тузик разыгрался. Он свирепо ки-
дался на пролетающие вагоны, желая

ЮРИЙ КОВАЛЬ
Картофельная собака

«Лето кончилось. Мне надо было воз-
вращаться в Москву, а Тузику — на кар-
тофельный склад.

В последний день августа на проща-
ние пошли мы в лес. Я собирал чернушки,
которых высипало в тот год очень
много. Тузик угрюмо брё следом.

Чтобы немного развеселить пса, я ки-
дался в него лопухами чернушками, да
что-то всё мазал, и веселья не получа-
лось. Тогда я спрятался в засаду, но Ту-

зик на них смотрел. Вагоны равно-
душно мчались дальше.

— Ну, чего ты расстроился? — говорил
меня Аким Ильич. — В твоей жизни буд-
ет ещё много собак.

Подошла электричка, забытая дачни-
ками и вещами.

— И так яблоко негде упасть, — закри-
чали на нас в тамбуре, — а эти ссобакой!

— Не волнуйся, земля! — кричал в от-
вет Аким Ильич. — Было яблоко, а ку-
да упасть, мы устроим.

Из вагона доносились песни, там пе-
ли хором, играли на гитаре. Развадорен-

нога Кольчугина дёрнулась от удо-
вольствия.

Стрела описала параболу.

Таня бежит через кусты, вытирает
мокрое лицо рукавом, откладывает волосы,
бежит, бежит моя девочка. Так беж-
ит, что мне становится горько оттого,
что она так не убегала от меня в ту пору.

Опять Андрей бежит, ветки его скрутят.

Выбегает на полянку, смотрит направо,
налево, лицо растерянное.

Теперь Таня медленно идёт по лесу,
отводит рукой папоротники. По-детски
изумляется — нашла гриб, великодел-
ний боровик. Ой, ешё гриб! Ещё! Ещё!

(Грибы натыканы ассистентами пять
минут назад)

Теперь Андрей увидел, что она сбира-
ет грибы. Лицо его светлеет, любит он
её. Таня, то есть Лену. Теперь они вме-
сте собирают грибы, ползают по траве,
как дети, смеются. Он погладил её по щеке.

Целуются. Андрей обнимает Таню
за плечи, они склоняются к траве.

— Стоп! — крикнул Павлик после
третьего дубля, снял берет и торже-
ственно махнул Кольчугину. — Ваше
слово, геноссе Кольчугин! Прощу вас —
соло на „митчеле“!

— Внимание! — заорал Кольчугин. —
Артисты прошу оставаться на месте!

— Танечка замерзла! — пискнула ко-
стюмерша.

— Молчать! Мы тут не в игрушки игра-
ем! Артисты — на место! Скимай её
в объятьях! Внимание! Мо-о-тор!

Цит. по: Аксёнов В. П. Пора, мой друг, пора. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 44–45

Грибное и остальное

Грибы — самое загадочное царство живой природы, поскольку объединяют в себе некоторые признаки растений и животных — издавна привлекают пишущих людей, выступая идеальной мифогенной средой и универсальной метафорой. Гриб — это и ризома французских постструктураллистов, сопротивляющаяся линейным структурам, и элементарная частица, способная в процессе ферментации и/или латуровского «перевода» из одной системы в другую, видоизменять привычные вещи. Последнее время выходит довольно много «грибных» книг, видное место среди которых занимают работы отечественного популяризатора микологии Михаила Вишневского. О других, возможно менее заметных, изданиях рассказывает обозреватель «Перерыва» Михаил Курабье.

Ча Лёвенхаупт

Анна
Лёвенхаупт
Цин
Гриб на краю света

и возможност
жизни на руина
капитализма

Анна Лёвенхаупт Цин,
«Гриб на краю света. О возможности
жизни на руинах капитализма»

Увлекательное исследование товарных цепочек и сообществ собирателей, образовавшихся по всему миру вокруг гриба маутаке, известного в России под названием рядовка. Этот гриб, согласно непроверенным слухам, стал первой формой жизни, возродившейся после аварии на Фукусиме, и вообще обычно размножается в ландшафтах, повреждённых человеком. Для американского антрополога китайского происхождения маутаке становится идеальным материалом для рассказа о межвидовом сотрудничестве, создающем новые типы существования после неизбежного разрушения, которое капитализм приносит в самые дальние углы всей более взаимосвязанного мира.

ЛОНГ
ЛИТТ
ВУН
Путь
через
лес
о грибах
и скорбях

ЛОНГ ЛИТТ ВУН,
«Путь через лес. О грибах и скорбях»
Ещё одно антропологическое исследование, в центре которого скорее находятся сообщества грибников,

чем сами эукариотические организмы. Уроженка Малайзии, внезапно потерявшая мужа и оказавшуюся в чужой для себя стране и культуре, использует работу, связанную с изучением практик собирателей съедобных грибов в Норвегии, для самоисцеления и преодоления скорби. На половину автофикашен, наполовину полевое погружение в среду норвежских грибников, книга представляет собой необязательную прогулку по лесам, смутно напоминающим родные осины. Бонусом идут рецепты, так как интересуют Литт Вун и её собратьев по корзине прежде всего грибы съедобные.

ПЕЛЛЕГРИНО АРТУЗИ,
«Наука приготовления и искусство по-
глощения пищи»
Кстати, о рецептах. Некоторые кулинарные книги могут посоревноваться с художественной литературой высшей пробы. К таким относится «Война и мир» гастрономической культуры, библия шеф-поваров trattoria и остейрий, книга, выполненная для итальянской кухни тут же функцию, что и словарь Владимира Даля для русского языка, — труд Пеллегрино Артузи, бывшего банкира, поэта и страстного гурмана. Изданная впервые более ста лет назад за собственный счёт, «Наука» уделяет должное внимание и интересующему нас предмету, например в формате супа из мухоморов: «В грибной сезон вы можете приготовить этот суп даже к званию обеду и не оскандалишься». Под мухоморами имеются в виду так называемые цезарские грибы.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН,
«Третья охота»

Впрочем, грибы не только дарят удовольствие и успокоение, но и могут по-настоящему пугать. Как в экологическом триллере молодого чилийского писателя, где фанги-саспенс становится чуть ли не главной сюжетной линией. Леосурба Педро Марамбио, вынужденного биться за выживание в Куриналаэ, на плантации эвалапита, под которую вырубают девственные леса, заражает таинственный смертельный грибок кордицепс. Точнее, сначала он заражает лес, а затем и людей, его вырубающих. В итоге Педро сам становится грибом, почти как Ленин у Курбахина, и возглавляет секту, желающих изменить мир к лучшему. Кончается всё плохо.

1 В. А. Катанин — автор либретто оперы «Не только любовь» по мотивам рассказов С. П. Антонова, музыка Р. К. Щедрина. Премьера состоялась в Новосибирском театре оперы и балета 5 ноября 1961 года.
Цит. по: Лилия Брик — Эльза Триоле: Неизданная переписка (1921—1970) / [сост., вступ. ст. В. В. Катяняна]. М.: Эллипс Лак, 2000. С. 304—307.

МАРГАРИТА АЛИГЕР
Грибы

Лес расписан скопой позолотой, весела и бесстрашна душа, увлечённая странной заботой, существующая не спеша.

Синева меж берёзами брезжит, и тропинка бежит далеко... Набирай хоть ведро сыроеzek! Не хочу, это слишком легко.

Лучше пусть ошибусь я с отвычками, прошлогодний завида листок. Лучше пусть я приму за лисички золотого цветка лепесток.

Не боюсь я такой нездачи. Он всё ближе, решительный час. Никакие уловки не спрячут От моих безошибочных глаз

тех чудесных, заветных, желанных, тех единственных, лучших, моих... В немудрёных и милых обманах превращений чудесных лесных

я хмелею от счастья, как будто над мучительно-трудной строкой... И тогда наступает минута, тишины оглушает такой,

будто нет ни обид, ни сомнений, все загадки земли решены...

И тогда, преклонивши колени на пороге лесной тишины,

ощущив, как щемящие и ново, как доверчиво хочется жить, белый гриб, как последнее слово, задыхаясь от счастья, отрывь.

1946
Печ. по: Алигер М. И. Собр. соч. : в 3 т. / [Предисл. Е. Сидорова]. М. : Худ. лит., 1985. Т. 2: Стихотворения, 1945—1980. С. 26.

ПИСЬМО ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ ЛИЛЕ БРИК

30-31 августа 1960 г.
«Васина грибная опера увлекает и меня¹. Только не надо и её из маринада в рассол! Велите Робику трудиться — лучше всего бы вернуться в Москву, никому не сказавшись, вот когда работается! По опыту — самые плодотворные трудовые дни — это воскресенье, в Париже, когда все думают, что вас нет, домработница не приходит, целый день ходишь в ночной рубашке и обедаешь когда попало. Потрясена твоей трёхчасовой прогулкой! Правда, ты останавливались перед каждым грибом, а их было много — но всё-таки. Вот что значит — увлечение! У нас здесь, несмотря на непрерывные дожди, одни сомнительные сыроеzek — но третьего дня сын Helene принёс целую кучу белых, которые появились просто вдоль дороги. Люблю грибы, нет вкуснее!»

Что мне делать? Ну почему всё так... Шампиньон Карлович поник. Его шляпка, ещё вчера такая упругая, сегодня обвисла... То-то у него в голосе столько грусти вчера прозвучало. Если они умрут, ястанусь один. Но-настоящему один.

5 июля (вечер)
Что делать, если я очень сильно люблю свои грибы? Ну очень сильно... Я не могу сопротивляться этой любви... Как вы могли так забрать моё сердце??!

10 мая

Жена попросила помочь в посадке грибов. Я чертыхаюсь, отекаюсь. Она говорит: мол, грибы полезны — укрепляют иммунитет, снижают кровяное давление, и ля-ля-ля, и сю-сю-ю. Копаю, чёрт бы побрал её и эти эукариоты. «Высадил» просверлённые и начинённые семенами поленья у забора пусть позлится Шабёр-сосед — вечно у него то «болгарка» вонит, то пила верещит! Вообще, этот забор я называю нашей спорщадкой: мы здесь часто спорим и даже скандалим, что уж скрывать.

18 мая

Хожу возле пеньков. Представляю, как там уютно и тепло грибам, как у них расправятся корешки. Общаюсь. Грибы не спрашивают, почему я такой злой. Растворяю себе и принимаю меня таким, какой я есть. А люди... люди всегда ждут чего-то.

1 июня

Создал грибам полулен из лёгкого плетня... Сам сплёт.

7 июня

Проверяю кислотность грунта, им необходимо — 5,5—6,5 рН... Земля пахнет дождём и чем-то древним.

10 июня

Обеспечиваю влажность и воздухопроницаемость почвы. Поглядываю на соседа. Завидую, конечно. Говорят, у него пенсия пятьдесят тысяч — поди, плохо... Завидовать плохо. Грибы не завидуют, потому что они — однажды.

15 июня

Кстати, чувствуя себя гораздо лучше, давление понизилось, и перестали мучить головные боли.

30 июня

Это невероятно — проклонулись первые грибки, они так прекрасны, что душу щемят. Дал им имена... Видимо, старость не за горами. Вёшенка Ивановна и Шампиньон Карлович... Грибница связывает всех в единое целое, а мы, люди, только и делаем, что рвём эти нити.

1 июля

Долго смотрел на Карлыча, и он как бы сказал мне: «Досадно, что в подоплёке большей части земного заложения всего лишь сексуальное влечение».

5 июля

Что мне делать? Ну почему всё так... Шампиньон Карлович поник. Его шляпка, ещё вчера такая упругая, сегодня обвисла... То-то у него в голосе столько грусти вчера прозвучало. Если они умрут, ястанусь один. Но-настоящему один.

10 июля

Шампиньон Карлович сказал мне, видимо из благодарности, что у него настолько разветвлённая грибница, что он может поговорить со своим собратом во Франции, а тот передаст привет моей парижской тётишке.

12 августа

К соседям нагрянул сын и ещё какие-то специализированные врачи — рыли, траили, корчевали. Уехали.

Грибы любви

(Ю МОРЕСКА)

15 августа
Геннадий чахнет, жена кое-как крепится.

22 августа
Генка совсем посинел. Горевали у забора все вместе, жена его протянула нам заплесневевший хлеб, съели его с удовольствием. Плесень таяла на языке, как ваниль. Было немножко грустно. Я нашарил в кармане кусочек сахара — вообще пиршество для всех. А перед сном обнял жену и сказал: «Славочка, если я забуду твоё имя — ты знай, я тебя всё равно очень сильно, теперь ещё сильнее, чем прежде, люблю. И я с тобой, и с вами — не один».

23 августа
Ожил Генка, слава богу. Ну как не ожить, когда вокруг мы?

31 августа
Прадедушки часы остановились.

1 сентября
Не спал ночью. Стал слышать ёщё пот соседей через стены и расстояния. Они говорили о том, какие мы хорошие, родные и очень полезные и что у соседки тоже падец был, когда моя жена на кухне порезалась.

«Эй, привет тётишке» — А это, я так понимаю, Карлыч пришёл поговорить. Но я вдруг вспомнил: у меня нет тётишушки в Париже. Значит, это... это чья-то ёщё память... Или всех сразу?

10 сентября
Сегодня я... свет... нити... жена... тоже... вкусно... не... аемся...

Фарит Нагимов

ЧТО ПИШУТ
Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Руслан Комадей:
писатель, перформер, издатель, президент Дома творчества Переделкино, Москва — Екатеринбург

Сегодня пишу предисловие к поэтическому сборнику, завтра — научную статью, а послезавтра и до конца года — автобиографию о своём панк-паберните в Нижнем Тагиле. Возможно, что-то из этого удастся дописать.

Надя Алексеева:
писательница, драматург, президент Дома творчества Переделкино, Москва

Работаю как драматург и прозаик над несколькими проектами. Пишу пьесу про Велимира Хлебникова для канзанского театра и пьесу с кодовым называнием «Про Выксу». В прозе колдуя над третьим романом (вдохновляясь Серебряным веком, масонами, сон- и магреализмом) и рассказом о золотодобыче, который выйдет в сборнике РЕШ. Пожалуй, это будет мой первый производственный рассказ, спасибо компании «Полюс», устроившей мне экспедицию в тайгу, в Северо-Енисейский, на крупнейший в стране карьер.

МИХАИЛ ПРИШВИН
Старый гриб

Пришвин М. М. на охоте с собакой.
1934. © КГБНУК «ХКМ им. Н. И. Гродекова». Инв. номер: 57063460.
Номер по КП (ГИК): ХКМ КП 10150/76.

I

Была у нас революция тысяча девятьсот пятого года. Тогда мой друг был в расцвете молодых сил и сражался на баррикадах на Пресне. Неизвестные люди, встречаясь с ним, называли его братом.
— Скажи, брат, — спросят его, — где... Назовут улицу, и „брат“ отвертит, где эта улица. Пришла Первая мировая война тысяча девятьсот четырнадцатого года, и, слышу, ему говорят:

— Отец, скажи...

Стали не братом звать, а отцом.

Пришла последняя большая революция. У моего друга в бороде и на голове показались белые, серебряные волосы. Те, кто его знал до революции, встречались теперь, смотрели на бело-серебряные волосы и говорили:

— Ты что же, отец, стал мукой торговать?

— Нет, — отвечал он, — серебром.

Но дело не в этом. Его настоящеё дело было — служить обществу, и ёщё он был врач и лечил людей, и ёщё он был очень добрый человек и всем, кто к нему обращался за советом, во всём помогал. И так, работая с утра и до поздней ночи, он прожил лет пятнадцать при советской власти. Слышу, однажды на улице кто-то его остановил.

— Дедушка, а дедушка, скажи...

И стал мой друг, прежний мальчик, с кем мы в старинной гимназии на одной скамейке сидели, дедушкой.

Так всё время проходит, просто лежит время, оглянувшись не успеешь...

Ну хорошо, я продолжаю о друге. Белеет и белеет наш дедушка,

и так наступает, наконец, день великого праздника нашей победы над немцами. И дедушка, получив поётный пригласительный билет на Красную площадь, идёт под зонтиком и дождя не боится. Так проходим мы к площади Свердлова и видим там за цепью милиционеров вокруг всей площади войска — молодец к молодцу. Сырость вокруг от дождя, а глянешь на них, как они стоят, и сдела-

ется, будто погода стоит очень хорошая.

Стали мы предъявлять свои пропуска, и тут, откуда ни возьмись, мальчишка какой-то, озорник, наверно, задумал как-нибудь на парад проплыгнуть. Увидел этот озорник моего старого друга под зонтиком и говорит ему:

— А ты зачем идёшь, старый гриб?

Обидно мне стало, признаюсь, очень я тут рассердился и цап этого мальчишку за шиворот. Он же вырвался, пригнулся, как заяц, на прыжке оглянулся и ударил.

II

Парад на Красной площади вытеснил на время из моей памяти и мальчишку и „старый гриб“. Но когда я пришёл домой и прилёг отдохнуть, „старый гриб“ мне опять вспомнился. И я так сказал невидимому озорнику:

— Чем же молодой-то гриб лучше старого? Молодой просится на сковородку, а старый сеет споры будущего и живёт для других, новых грибов.

И вспомнилась мне одна сырояжка в лесу, где я постоянно грибы собираю. Было это под осень, когда берёзки и осинки начинают сыпать на молодые ёлочки вниз золотые и красные пятачки.

День был тёплый и даже паркий, когда грибы лезут из влажной, тёплой земли. В такой день, бывает, ты всё до чиста выберешь, а вскоре за тобой пойдёт другой грибник и тут же, с того самого места, опять собирает, ты берёзки, а грибы всё лезут и лезут.

Вот такой и был теперь грибной, паркий день. Но в этот раз мне с грибами не везло. Набрал я себе в корзину всюкую дрянь: сырояжки, красноголовики, подберёзники, — а белых грибов нашлось только два. Будь бы боровики, настоящие грибы, стал бы я, старый человек, наклоняться за чёрным грибом! Но что делать, по нудже поклонишься и сырояжке.

Очень парко было, и от поклонов моих загорелась у меня всё внутри и до смерти пить захотелось. Но не идти же в такий день домой с одними чёрными грибами! Времени было переди довольно поискать белых.

Бывают ручейки в наших лесах, от ручейков расходятся лапки, от лапок мочечинки или просто даже потные места. До того мне пить хотелось, что, пожалуй бы, даже и мокрой земли попробовал. Но ручей был очень далеко, а дождевая туча ёщё дальше: до ручья ноги не доведут, до туши не хватит рук.

И слышу я, где-то за частым ельничком серенькая птичка пишет:
— Пить, пить!

Это, бывает, перед дождиком серенькая птичка — дождевик — пить просит: «Пить, пить!»

— Дурочка, — сказал я, — так вот тебя тучка-то и послушается!

Поглядел на небо, и где тут дождаться дождя: чистое небо над нами и от земли пар, как в бане.

Что тут делать, как быть?

А птичка тоже по-своему всё пишет: «Пить, пить!»

Усмехнулся я тут сам себе, что

вот какой я старый человек, столько жил, столько видел всего на свете, столько узнал, а тут просто птичка, и у нас с ней одно желание.

— Дай-ка, — сказал я себе, — погляжу на товарища.

Продвинулся я осторожно, бесшумно в чащам ельника, приподнял одну веточку: ну, вот и здравствуйте!

Через это лесное оконце мне открылась поляна в лесу, посередине её две берёзы, под берёзами — пень и рядом с пнем в зелёном бруслинике красная сырояжка, такая огромная, каких в жизни своей я ёщё никогда не видел. Она была такая старая, что края её, как это бывает только у сырояжек, завернулись вверх.

И от этого вся сырояжка была в точности как большая глубокая тарелка, притом наполненная водой. Повеселело у меня на душе.

Вдруг вижу: слетает с берёзы сеяра птичка, садится на край сырояжки иносиком — тюк! — в воду. И головку вверх, чтобы капля в горло прошла.

„Пить, пить!“ — пишет ей другая птичка с берёзы.

Листик там был на воде в тарелке — маленький, сухой, жёлтый. Вот птичка клюнет, вода дрогнет, и листик загуляет. А я-то из оконца вижу всё и радуюсь и не спешу: много ли птичке надо, пусть себе напьётся, их не видим, имея уши — не слышим».

III

Возможно, я это от жалости к своему другу вспомнил о старом грибе и вам рассказал. Но рассказ о старом грибе — это только начало моего большого рассказа о лесе. Дальше будет о том, что случилось со мною, когда я напился живой воды. Это будут чудеса не как в сказке о живой воде и мёртвой, а настоящие, как они совершаются везде и всюду и во всякую минуту нашей жизни, но только часто мы, имея глаза, их не видим, имея уши — не слышим».

Цит. по: Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. / Редкол.: В. В. Кожинов и др.; [ил. Ф. В. Домагацкого]. М.: Худ. лит., 1983. Т. 5: Произведения 1938–1953 годов / [коммент. В. В. Кругловской, Л. П. Платоновой]. С. 288–292.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ
Из дневников

17 июля 1883 г.
«Вечером пошёл с детьми за грибами и остался с бабуринскими косцами косить. Они пьяные. Мне хорошо было с ними».

28 июля 1883 г.
«Купались, ходили все за грибами. Большая обряд. Не помню вечеря. Всё праздно».

06 августа 1883 г.
«Лихорадочное состояние. И тревога, и заботы и о переводе, и о лошадях, и даже о прогулке за грибами».

19 августа 1883 г.
«Урусов, Бестужевы, Абамелик. Грибы, хольба. Не помню».

21 августа 1883 г.
«Грибы и готовящееся нездоровье».

26 августа 1884 г.
«Ходил за грибами. ... Жена не пошла за мной, и пошла, сама не зная куда, только не за мной, вся наша жизнь».

31 августа 1884 г.
«Ходил за грибами. Хорошо думалось: умереть?»

1 сентября 1884 г.
«Пошёл за грибами и целый день ходил. Рыжики — пахнут еловым молоком — нежные».

3 сентября 1884 г.

«Ходил за грибами. Тосковал. Шил. Читало Michelet».

28 июля 1889 г.

«Ходил за грибами. Какая-то тихая радость».

30 июля 1889 г.

«Лёва сказал, на меня глядя: грибы, это же охота».

09 августа 1889 г.

«Ходил за грибами и купаться и ничего не делал».

25 августа 1889 г.

«Ходил за грибами, встретил девочек. Очень радостно было».

30 августа 1894 г.

«Ходил за грибами и одну минуту увидел весь катехизис, всё учение, ясно связано, несомненно».

01 мая 1910 г.

«Я ищу блага; как же мне для достижения блага уйти от жизни? Я ищу грибы. Грибы только в лесу. Как же я для того, чтобы найти грибы, уйду из леса?»

Цит. по: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова; при уч. ред. ком. в составе: А. Е. Грининского, Н. К. Гудзия, Н. Н. Гусева [и др.]. М.: Худ. лит., 1928–1958 гг. Т. 49. С. 113, 115–118, 120; Т. 50. С. 114–115, 121, 127; Т. 52. С. 136; Т. 58. С. 43.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Письмо К. Г. Паустовского
В. В. Навашиной

10 сентября 1936 г.

«Валюшонок, родной мой, напуганный зверь, как хорошо, что ты прислали мне Левитана и письма. Третьего дня я послал тебе письмо, — не знаю — получила ли ты его. Только

ко что Миша с Рувимом ушли в лес за грибами (дуэт северный холодный ветер, и рубы ловить нельзя), я остался один, кончая рассказ для „Пионера“ и топлю печи. Трещит огонь, шумит в саду ветер, в кладовой топчется Матрёна Давыдовна — чудесная старушка — и жарит нам гигантские белые грибы... Но меня всё время отывают, Любовь Андреевна прислала нам студень из свинины, Ан. Ив. — дрова и колун, телеграфистка — телеграмму из „Правды“ (просит расказать — придётся его написать), Матрёна Давыдовна — чёрвь и грибы, а сейчас пришёл „снохач“ со свёклой и солёными огурцами. <...> Здесь хорошо — пустынно, немногоКоНоично и спокойно, но если бы не Миша и Рувим, то я сегодня же уехал бы в Москву. <...> Рассказ для „Пионера“ я завтра окончу и 12-го вышлю тебе. Ты прочти его, исправь, если что-нибудь не

понравится, и позвони Валентине, чтобы прислали курьера. Пусть перепечатают на машинке лишний экземпляр и вернут тебе. Рассказ для „Правды“ я тоже пришлю тебе и напишу, кому позовинить, чтобы за рассказом прислали. Живём мы очень дружно, а после приезда Рувима — весело. Рувич в восторге от Солотки и наслаждается всем, даже холодом и дождями (во время дождей — изумительный острый воздух, пахнет осеннею листвой).

Цит. по: Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 9 т. / [Сост., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого]. М.: Худ. лит., 1986. Т. 9: Письма, 1915–1968. С. 120–121.

Мудрёная схема

17 сентября 1932 года постановлением Президиума ЦИК СССР был основан Литературный институт имени А. М. Горького. Писательница Оксана Васякина вспоминает времена, проведённые в стенах этого заведения.

Дом А. А. Яковлева. г. Москва. Работы по реставрации ограды. Переснимок из: Памятник архитектуры XVIII–XIX вв.: Бывший дом Яковлева (Герцен) в Москве. К отёту о реставрации 1959 г.
© ФГБУК «Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева». ГНИМА НФ-ОФ-1328/1357. Инв. номер: 56554921

Летом 2011-го, в 21 год я поступила в Литературный институт. До того я устраивала вечеринки электронной музыки, вандалась в эзотерических кругах и, очарованная современной поэзией, писала стихи. В Перми на поэтическом фестивале кто-то сказал мне, что в Сибири делать нечего, надо ехать в Москву, а чтобы было где жить, можно поступить в Лит. Мне в Сибири было нормально, правда, немного скучно. В концентре я сделала распечатку своих стихов и заказным письмом отправила их в приёмную комиссии.

На вступительных испытаниях я была середнячком, в списках на бюджет — на третьем месте с конца. На экзамене с сочинением я просмотрела все предложенные темы, выбрала что-то вроде «Место поэта в современном мире». Для передачи

Сидоров не обращал внимания на посещаемость, только однажды, когда я явилась после двух месяцев отсутствия, сказал что-то вроде: «Васякина, не погуливай». Многие мастера Литинститута давали своим ученикам, чтобы те набили руку, домашние задания и требовали раз в неделю приносить рассказы и стихотворения. Е. Ю. не учил писать и не приуждал ни какой работе, раз в год я сдавала подборку, этого было достаточно. Писать не учил, но спустя десять лет, занимаясь письмом или преподаванием, в голове я кручу две фразы Е. Ю. Первая. Всдух размышила о ком-то из поэтов-шестидесятилетников, он встал и в тоне, близком к приказному, сказал: «Поэт обязан быть напичкан чужими текстами».

Вторая. Е. Ю. флегматично листал подборку, когда глаз зацепился за какую-то строчку, он прочитал её вслух и хлопнул распечаткой по столу: «Нет ничего отвратительнее кокетства».

ЛЕТОМ ХОРОШО НА ДАЧЕ-
СВЕЛ ГРИБОК, ПРИЛАЁГ В ГАМАК

Belova & Politov 2025

И ДУХОВНО СТАЛ БОГАЧЕ
СКУШАВ СОЧНЫЙ ПАСТЕРНАК...

БЫВАЕТ ВСЁ НА СВЕТЕ ХОРОШО

Рисунок Валеры Полиенко

6 сентября 2025 года исполняется 88 лет со дня рождения Геннадия Шпаликова. Широкая публика знает его как сценариста фильма «Я шагаю по Москве» и автора одноимённой песни. Но его наследие куда шире: это не только сценарии ко множеству кинокартин (в том числе не снятых), но и стихи, и единственная режиссёрская работа — фильм «Долгая счастливая жизнь». В последнее время интерес к Шпаликову растёт. Почему? «Перерыв» попробовал выяснить это, обратившись к эксперту мнению людей различных творческих профессий.

1. Каков вклад Геннадия Шпаликова в отечественную литературу (и шире — в искусство)?

Андрей Родионов
поэт

Геннадий Шпаликов вернулся русской поэзии радость, потерянную ещё во времена Хармса. Но русская трагедия не даёт надолго выныривать из своих глубин, она утянула его на дно. И всё же немножко радости, нежности, любви ему удалось для нас добиться, можно сказать, ценой собственной судьбы.

Олег Нестеров
музыкант, исследователь

Прежде всего Шпаликов придумал новую Москву. Той Москвы, которую мы считаем оттепельной, в принципе не существовало до Шпаликова: в жизни она была, в общем-то, се-рая и скучная, а в кино — помпезная. Не было такой Москвы, и Шпаликов её придумал — в фильме «Причал», который не был поставлен. Его должен был снимать Владимир Ки-

тайский — студент № 1 в группе у Михаила Ромма. Там же учились Тарковский, Шукшин и Митта, но он считался самым талантливым. После того как фильм закрыли, Китайский повесился. Шпаликов очень переживал.

Шпаликов артикулировал оттепель не через успехи в науке, градостроительстве, моде или космических свершениях — он распахнул сердца людей. В своих фильмах он предложил относиться ко всему радостно, внимательно и быть счастливыми.

Александр Миндадзе
драматург, режиссёр

Его вклад — в том, что он был абсолютно свободный художник вне рамок, традиций и наработанных правил литературы, не поддающийся ни времени, ни цензуре. Он существовал в своём поэтическом мире самостоятельно — и был совершенно антидраматургичен, но в этом была своя вну-

тренняя драматургия, весьма ценная и объёмная. Это была наивная, иллюзорная, но очень сильно выраженная свобода человека, занимающегося искусством. Такой восход солнца после тьмы.

Максим Жуков
поэт, прозаик, журналист

В отличие от сценарного дела, где ему приписывают новаторство, в стихах он никаких открытый не сделал, но это и не требовалось. С профессиональной точки зрения его стихи вообще несовершенны: у них и строка может подгулять, и композиция где-то неправильно выстроена. В конце концов, часто это вообще тексты песен.

Но, несмотря на это, его стихи цепляют за душу — одновременно своей внутренней силой и своей слабостью. Мне кажется, лирика — это всегда проявление слабости. А в его стихах столько света! Люди тянутся к этому. Русская поэзия грехит мрачностью, да и любая поэзия по сути своей трагична. А он, даже имея такую трагическую судьбу, смог стать транслятором сложного и очень человеческого лирического состояния, которое способно попадать людям в душу и лить туда свет.

Максим Семеляк
журналист

Мне кажется, он поневоле стал аналогом современных ему западных практик: от французской новой волны до британского бита. В нём так или иначе отразились все безумные пьесы и блуждающие огоньки тогдашней эпохи, но с выправкой выпускника суворовского училища. Этот навык шагать по Москве на последнем дыхании хорошо отражён, например, в его иронических строчках: «Ах, Париж весенний! Как к тебе добраться?».

Марина Кудимова
поэт, прозаик, переводчик, культуролог

Шпаликов — гениальный сценарист с новым кинематографическим языком и абсолютно любительский поэт. Его [нынешний] культ и возник на фоне totally любительской позиции нового формата. Сложнейшая рус-

ская поэзия XX века почти недоступна современному читателю.

Наталья Рябчикова

историк кино, соавтор-составитель книги «Долгая счастливая жизнь. Инструкция для начинающих»

Не могу сказать про литературу как таковую, но сценарии и стихи Шпаликова, на мой взгляд, ярче и понятнее многих отразили состояния души человека времён оттепели, под иронией скрывающее нежность, под весельем — подозрение, что оптимизм не продлится долго. «Пароход белый-беленький, / Дым над красной трубой. / Мы по палубе бегали — / Целовались с тобой» — это ностальгия не по прошлому, а по настоящему.

Митя Мозговой

театральный продюсер

Мне кажется, его вклад — в том, как он попал в свой время. И стал человеком-легендой: пусть не для широкой публики, но ведь ему и памятник есть, и спектакли ставятся — про него и по его сценариям. Например, «Я шагаю по Москве» — отличный моноспектакль питерского «Невидимого театра» Семёна Серзина. Мы привозили этот спектакль в Москву, и он для меня стал откровением: я начал читать, изучать, пересматривать фильмы, поехал в Переделкино гулять у его дома... Так что меня Шпаликову привёл театр.

Откуда к Шпаликову такой интерес? Во-первых, он правда очень талантливый. А во-вторых, к сожалению, довольно часто суперталантливые люди долго не живут: несчастье подпитывает гений. Шпаликов — человек с яркой, сложной, трагической судьбой, такие истории вызывают живой интерес у людей.

Надежда Кондакова

поэт, переводчик, драматург

Вклад Геннадия Шпаликова в отечественное искусство, на мой взгляд, убедительно выражает известная трёхфигурная скульптура у входа во ВГИК — Тарковский, Шукшин, Шпаликов. Выпускников института кинематографии, в том числе знаменитых и ушедших, великое множество, но эти трое — вне конкуренции.

2. Зачем читать Шпаликова сейчас?

Олег Нестеров

Свет нужен всегда, особенно сейчас. А Шпаликов — он как Александр Сергеевич Пушкин: такой же вечный. Его земная жизнь — всего лишь эпиграф к жизни после смерти. Пушкинские 37 лет — это ничтожно малый отрывок, хотя и бурный, полный приключений и невзгод. Но его вечная жизнь началась после, причём с задержкой. На излёте его жизни время разлюбило Шпаликова, оно наливалось всё больше ртутью или свинцом. На что Шпаликов любил говорить, что дело не в СССР, а в собственном несовершенстве. Настоящая жизнь Шпаликова началась позже: к началу 2000-х он вдруг сделался предельно необходимым. По-

Максим Жуков

Зачем вообще читать стихи? Хорошие стихи помогают жить: сталкиваешься в жизни с какой-нибудь ситуацией — и вдруг вспоминаешь, как здорово об этом уже сказал поэт. А у Шпаликова стихи хорошие, недаром их всё переиздают и переиздают, его песни до сих пор популярны, к ним тянутся народ. А значит, при всех несовершенствах, он состоявшийся поэт и полноправная часть русской литературы, которая нас переживает. Потому что его строчки внушают оптимизм и помогают жить дальше.

Кино, к сожалению, стареет быстрее. Например, «Застава Ильи» уже воспринимается как ретро, а что будет через десять лет? Кинокартины теряют актуальность и становятся материалом для киноведов. Думаю, что сцены Шпаликова не будут интересны так долго, как его стихи и песни.

Андрей Родионов

Читать Шпаликова — говорить со временем, с вечностью сейчас. Обратитесь к его стихам — и почувствуйте нежность, храбрую нежность отчаянного.

Надежда Кондакова

Затем, чтобы понять, чем холодный постмодернизм (пришедший в нашу культуру постсоветского извода), равнодistantный от читателя и самого писателя, отличается от искусства искреннего, теплого, близкого к человеку и спасительного для него.

Максим Семеляк

Вот собственно за это сочетание бравости и отчуждённости, оттепели и декаданса, местной свойскости и недостижимой печали.

Марина Кудимова

У Шпаликова можно учиться искренности: в пору «скриптового» мышления и выражения мыслей готовыми на любой случай фразами это подкупает.

Наталья Рябчикова

«Зачем» предполагает потребление, а Шпаликов точно не про это. Низачем, просто потому, что, как говорили в фильме его викторовского однокашника Андрея Тарковского, «человеку нужен человек». Если в искусстве вам важно общение с другими людьми, знакомство с их опытом, с их взглядом на мир — читайте Шпаликова.

Митя Мозговой

Скажу честно: если бы у меня спросили совета, что почитать, вряд ли Шпаликов первым пришёл бы мне в голову. При этом каждый, кто всё-таки за него взымётся, почти наверняка получит большое удовольствие. Зачем люди слушают пластинки, когда можно слушать МРЗ? Откуда в 2025 году вдруг мода на «Гражданскую оборону»? Вот и со Шпаликовым так же. Он рассказывает очень трогательные истории, которые у старшего поколения определённо могут вызывать ностальгию, а у младшего — интерес и попытку понять свою страну.

Александр Миндадзе

Читать его можно просто так, удивляясь и наслаждаясь свежестью, которая сегодня ощущается как абсолютно автономный мир, замечательный и выразительный.

3. Какое ваше любимое произведение Шпаликова?

Максим Семеляк

«Долгая счастливая жизнь» как высшая точка его метода, безупречное и неразгаданное заклинание.

Максим Жуков

Первое, что я услышал из Шпаликова ещё в ранней юности, — это его стихи «никогда не возвращающиеся в прежние места». Я до сих пор всегда твержу эти строчки в трудную минуту. Это помогает! «По несчастью или к счастью, истина проста...» Для меня это, конечно, лучшая его вещь. Хотя у него много хорошего, шутливого — хотя сейчас его ирония уже хуже считывается. И «Я шагаю по Москве» — замечательный текст для песни.

Андрей Родионов

Не могу сказать о любимом, я каждый раз читаю и ищу сегодняшнее стихотворение. Пожалуй, назову это: «Давай сейчас его вернём, пока он плещадь переходит».

Александр Миндадзе

Пожалуй, сценарий «Заставы Ильи»:

это было очень свежее высказывание,

ошеломительно новое, революционное, неожиданное. Рассказ о на-

чале каких-то других времён, кото-
рые возникли в начале 60-х, о других героях, других людях. Подспудный мир человеческого сознания, который до этого находился в тумане, Шпаликов абсолютно естественным обра-
зом вскрыл и демонстрировал в сво-
их сценариях — вне правил и установок,

вопреки устоявшейся драматургии тог-
о времени. Это был абсолют-
нейший кислород, который неожидан-
но хлынул на нас.

Максим Семеляк

«Прыг-скок, обвалился потолок» — не-
поставленный сценарий Шпалико-
ва. Один из его последних сценари-
ев, наряду с «Девочкой Надей», и он

достаточно сурово автобиографичен,

при этом чрезвычайно нежен. Это та-
кой Шпаликов, от которого все отвер-
нулись: друзей всё меньше, он невыно-
сим в быту. Из дома Инна его выгнала,

с дочерью тоже не пойти какие отно-
шения. И вот он ходит на почту, пишет

на телеграфных бланках стихи. А до-
брая редакторша из «Мосфильма» вы-
носит ему листы писчей бумаги, чтобы

он продолжал работать. Третья вер-
сия «Прыг-скока» выглядит вообще как
детская аппликация: вся перекле-
на, со стrelочками.

Это такая алкогольная шпаликов-
ская цыганочка: как говорил Сергей
Соловьёв, это был бы фильм о всех ужа-
сах и прелестях пьянства. Он был заве-
дом обречён на непостановку, потому

что — ну какая комедия в Советском Союзе всерьёз возмёт в производ-
ственный план такой фильм. При этом
у картины одиннадцатилетняя героиня,
которую он списывает со своей до-
чери Даши и которой посывается едва
ли не последнюю в жизни строчку: «За-
вещено вам только дочку — / Больше
ничего завещать».

Если бы Шпаликов снял эту карти-
ну (а он сам хотел её снимать и Инну
Гулую снимать в главной роли), у него
появились бы сотни эпигонов. Сотни
последователей взгромоздились бы ему
на плечи, и, в конце концов, про «Прыг-
скок», может быть, все бы забыли. Но
ничего этого не произошло. В общем,
это самый пронзительный, но лично
для меня самый главный Шпаликов.

И написан он незадолго до смерти: он
смотрит на нас уже оттуда, улыбается,
иногда посмеивается и знает уже явно
больше, чем каждый из нас.

Митя Мозговой

Наверное, стихотворение «Батум».

Мне кажется, оно очень про Шпалико-
ва: тут и вино, и одиночество, и вроде

бы счастье, и путешествие, и порт,

и девушки с бусами, и любовь, а в ко-
нечном итоге он остаётся один. Это
стихотворение-концентрат: оно корот-
кое, но в нём столько ассоциаций, эмо-
ций, чувств и переживаний. А если
ещё посмотреть на него сквозь призму
шпаликовской биографии... С одной

стороны, в нём много лёгкости, а с дру-
гой — какой-то невероятный трагизм.

Марина Кудимова

Я всегда любила читать сценарии.
У Шпаликова мне больше всего нрав-
ится «Долгая счастливая жизнь»
и его студенческая работа «Человек
умер», где Шпаликов с невообразимой
точностью предсказал конец своего
трагического пути.

Надежда Кондакова

Любимые мои произведения есть у
Лермонтова, Бунина, у Чехова. Ген-
надий Шпаликов для меня стоит в не-
сколько ином ряду. Но я его ценю и не-
которые стихи, несомненно, помню
наизусть.

Наталья Рябчикова

«Я НА РОК-Н-РОЛЛЕ ОСТАНОВИЛСЯ»

В июле в ДТ Переделкино останавливался легендарный переводчик Виктор Петрович Голышев. Мы, конечно же, воспользовались ситуацией — на разговор с корифеем отправился главный редактор «Перерыва» Денис Крюков.

«ПЕРЕРЫВ»: А ВЫ КОГДА ВПЕРВЫЕ В ПЕРЕДЕЛКИНО ОКАЗАЛИСЬ?

В.Г.: Я думаю, что это был какой-нибудь день восьмой класса. Год 1950-й или 1951-й, где-то так. Мне предстояло передавать «Конституцию СССР». С четвёрки на пятёрку. Не помню, получилось или нет.

Мать со своим мужем Николаем Оттеном снимали половину дома Афиногенова. Там я видел Лилу Брик. Старушка как старушка, ничего особенного. Со светлыми волосами. Больше ничего не помню. Мне мать сказала: это Лила Брик. Ну я знал, кто это такая, но без подробностей.

«П»: И ЧАСТО БЫВАЛИ ПОТОМ?

В.Г.: Нет. Это был единичный случай. Это они, мать с мужем жили. Наверное, снимали. Я боялся сорваться, но, может быть, это был Борис Горбатова этаж. Если Горбатова, то вряд ли они за деньги снимали. Пустили, наверное, просто.

«П»: А ПОТОМ НЕ ПРИЕЗЖАЛИ НИ В ДОМ ТВОРЧЕСТВА, НИ В ПЕРЕДЕЛКИНО?

В.Г.: Приезжал. Один раз с детьми мы приезжали, это я точно помню. И помню, что один был здесь в каком-то коттедже. Проехал, по-моему, полтора суток. Я думал, что это какие-то 70-е годы. Почему я сюда угодил, не помню. Литфонд давал эти путёвки спокойно. Дешево было совсем. Ну это я уже не помню, какие годы. Я никаких дневников никогда не вёл.

«П»: ПОЧЕМУ НЕ ВЕЛИ?

В.Г.: А зачем? Мне неинтересно про прошлое. Проехали.

«П»: НАСКОЛЬКО Я ПОНИМАЮ, ВЫ ВСЕГДА САМИ ВЫБИРАЛИ ТЕКСТЫ ДЛЯ ПЕРЕВОДА.

В.Г.: До смены власти — да. Только так.

«П»: НУ ТО ЕСТЬ МОЖНО БЫЛО АБСОЛЮТНО СВОБОДНО САМОМУ ПРЕДЛАГАТЬ?

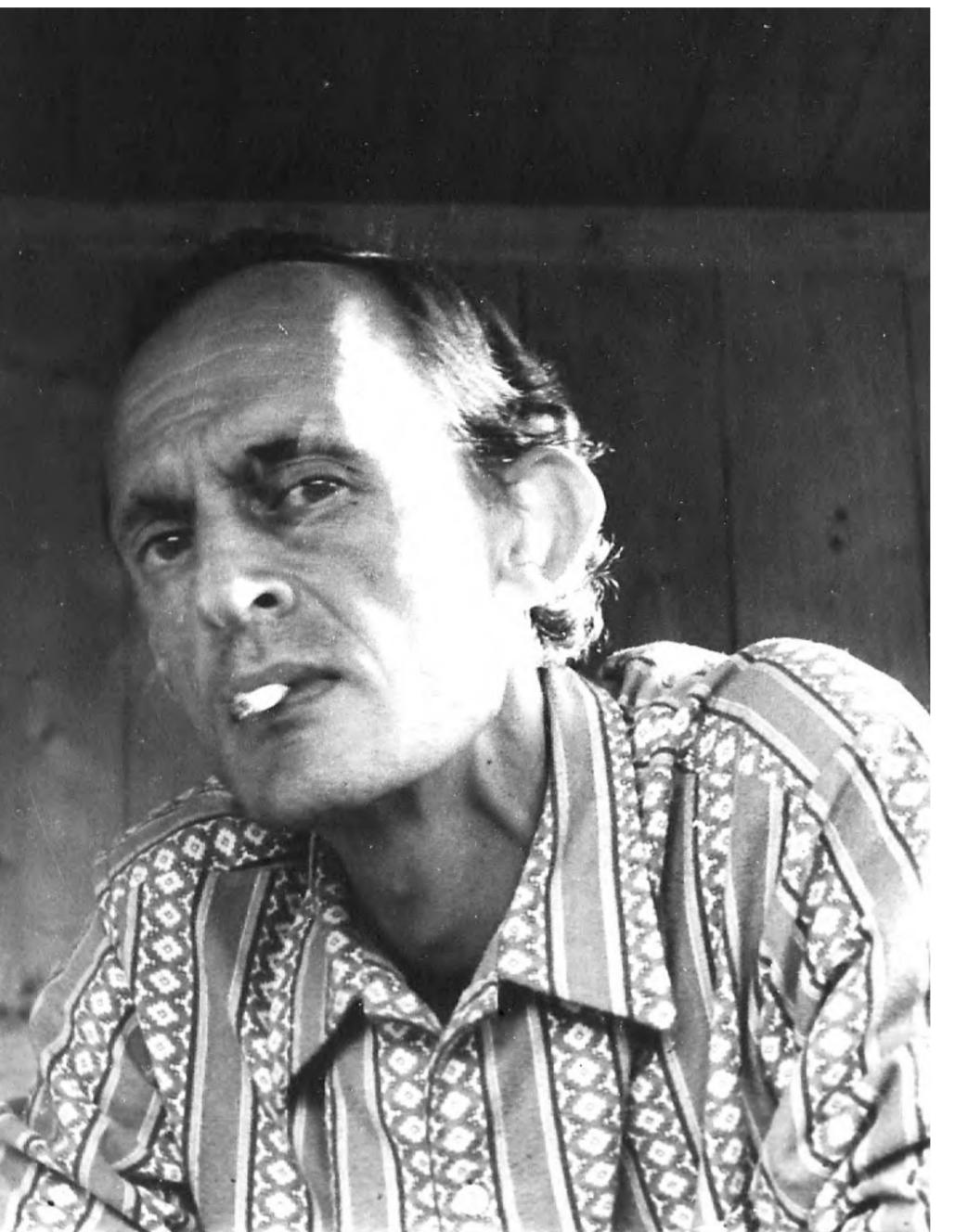
В.Г.: Или предлагать, или просто готовое носить. Начал я с того, что готовое носил. Там, в «Новом мире» было. Сперва сидела там Ирина Павловна Архангельская — «Всю королевскую рать» она напечатала. А потом там Лара Беспалова стала сидеть. Я туда постоянно носил. Это хорошо, так как уже знакомый редактор, знает, кто ты такой.

«П»: Я ТАК ПОНИМАЮ, ЧТО ВОТ ЭТО ИЗДАНИЕ «ЗАВТРАКА У ТИФФАНИ» В БИБЛИОТЕЧКЕ «ОГОНЬКА» ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ, ДА?

В.Г.: Это, кстати, первая полная версия. А сначала в журнале «Москва». Я пришёл к замглавного. Он говорит: повесть же про женщину лёгкого поведения. Я: ну да. Он говорит: а что, нам это надо? Я говорю: это не я буду решать, это вы будете решать.

«П»: ТО ЕСТЬ ХОДИЛИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРДЬ ПО ЖУРНАЛАМ, НЕ ПО ИЗДАТЕЛЬСТВАМ?

В.Г.: Из издательств были «Худлит» и «Иностранка». В «Худлите» уже свои корифеи были. А ты с улицы при-

Виктор Голышев, автопортрет в Тарусе, 1970-е

ный тираж выходил, то платили, но че-го-то меньше уже. Это важный вопрос был, потому что я на эти деньги жил.

«П»: А КАКОГО УРОВНЯ БЫЛИ ГОНORAPY?

В.Г.: Примерно 100 рублей за авторский лист. И гонорар зависел от тиража. Но не в журнале, а в книге. Было понятие «массовый тираж»: не помню, 50 тысяч или 100. Тогда это 100 или 150 рублей за лист. Так что лист — это примерно как зарплата инженерская, чуть получше.

«П»: ПЫТАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ИНОГДА ЧИНИТЬ АВТОРСКИЙ ТЕКСТ? ТО ЕСТЬ ЕСЛИ ВЫ ВДРУГ ОБНАРУЖИВАЕТЕ ФАКТИЧЕСКУЮ ИЛИ ЛОГИЧЕСКУЮ ОШИБКУ.

В.Г.: Во-первых, у меня этого никогда не случалось. Фактические, может быть, один или два раза были. Логических никогда. Во-вторых, исправлять не надо. Ты второстепенный человек. Надо своё место знать. Его ошибки — это его ошибки. Но я не помню, чтобы кто-то ошибался. Из тех, кого я переводил.

«П»: Я ЧИТАЛ БРЕТА ИСТОНА ЭЛЛИСА, ЕГО РОМАН «ЛУННЫЙ ПАРК». В НАЧАЛЕ НУЛЕВЫХ ОН, ПО-МОЕМУ, ВЫШЕЛ. И В ЦЕЛОМ ПЕРЕВОД МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ. НО ТАМ В КАКОЙ-ТО МОМЕНТ ВДРУГ ПОЯВЛЯЕТСЯ ФРАЗА: «ПРИДЁШЬ ДОМОЙ, ТАМ ТЫ СИДИШЬ». А ЭТО, МЫ ПОНИМАЕМ, ЦИТАТА ИЗ ПЕСНИ ВЫСОЦКОГО. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТАКОГО РОДА ВСТАВКАМ?

В.Г.: Я давно решил, что я не сужу чужих переводов. Стал бы я это делать? Нет. Но это не значит, что я это как-то осуждаю.

А так — да, ты находишься в том месте, а тут вдруг тебя вытаскивают в наш мир. Путём одной цитаты. Ну и остальное тоже смешается немножко. Правда, я думаю, что для читателя это не так важно.

«П»: КАК ВЫ СПРАВЛЯЕТЕСЬ, КОГДА В ТЕКСТЕ ЕСТЬ ОЧЕВИДНАЯ ДЛЯ СО-ОТЕЧЕСТВЕННИКОВ АВТОРА КУЛЬ-ТУРНАЯ ОТСЫПКА ИЛИ ЦИТАТА, НО ДЛЯ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ СОВСЕМ НЕ УЗНАВАЕМАЯ?

В.Г.: Ну, не расшифровываю обычно. Если это очень важное что-то, то ставлю примечание. Я при этом не люблю подстрочные примечания, потому что это вырывает из потока чтения. Если позарез надо — примечание в конце. А список подстрочных я по большей части избегаю. Они отвлекают.

«П»: ВАМ ЗА ЭТО ИЗДАНИЕ ДАВАЛСЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ГОНORAP?

В.Г.: Да, за это отдельно заплатили. Ну и там Капоте ещё перепечатывался.

«П»: ТО ЕСТЬ КОГДА КНИЖКА НОВАЯ ВЫХОДИЛА, ТО ЕЩЁ ДЕНЕГ ДАВАЛИ?

В.Г.: Каждый раз, да. Новое издание — тогда платили. И если дополнитель-

«Заблудившийся автобус», а там довольно много про его устройство. Мне с этим легче было. Но, правда, я всё равно купил учебник шофёра третьего класса, чтобы не облажаться. Когда речь идёт о технических делах, то лучше, конечно, чего-то соображать в этом.

Если надо, там, про парусный спорт переводить, то к этому надо готовиться. Но книжки, где слишком много технологий, мне не приходилось переводить. Про лётчиков я не переводил романов. Но если надо было бы, то, наверное, пришлось бы учебники какие-то читать. И это даже не так тебе по факту нужно, скорее ты просто не в тёмном лесу находишься, как-то это всё обжитой территорией становится. Машину-то с пятым на десятое я мог водить, при наличии инструктора рядом. А подробности лучше узнавать, конечно.

Нет, с автомобилями, когда там две-три строчки, мне труда не составляет перевести. Потому что меня в детстве на автомобиле возили в школу. Папаша был в автомобильном министерстве, машина стояла всё время, а он сидел в министерстве, ему она фактически не нужна была. И, там, в первом классе меня в школу возили на машине, хотя пешком было пятнадцать минут. Он боялся, что я попаду под колёса. А когда ты ездишь на машине регулярно, с шофёрами — я их помню всех — разговоры происходят, они тебе любят объяснять что-то. Поэтому я довольно хорошо был подкован в автомобильном транспорте.

«П»: ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВАМ ВВОДИТЬ В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАКИЕ-ТО НОВЫЕ СЛОВА? НУ ВОТ СЧИТАЕТСЯ, ЧТО АКСЁНОВ ПЕРВЫМ ДЖИНСЫ УПОМЯНУЛ В СВОЕЙ ПРОЗЕ.

В.Г.: Чего-то я не помню такого. Я не знаю, когда джинсы стали в ходу. Вроде в конце 50-х. Ещё их какие-то спекулянты продавали. У моего приятеля были джинсы, да. Наверное, многие об этом мечтали. Первый ли он упомянул? Думаю, что они в ходу были, а в литературе — не знаю.

В «Королевской рати» полно этого дела. Слово было ходовое вполне среди молодёжи. Но книжка вышла году в 67-м. А когда школу заканчивал, ещё пижоны джинсы не касались. Говорили: брюки — во, плечи — во, костюм американского джентльмена. И галстук — во, да ещё узенький галстук.

«П»: ЭТО СТИЛЯГИ?

В.Г.: Это немножко даже после стиляг. Стиляги ещё, по-моему, при Сталине появились. Ходили в кашне. А я как раз жил в центре, там «Коктейль-холл» был, на улице Горького. Так что я этих людей видел, которые в белых кашне ходили шёлковых. И с широкими плечами.

«П»: ВАШЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК-ТО ПОВЛИЯЛО НА ВАШ МЕТОД ПЕРЕВОДА?

В.Г.: Никогда не думал над этим. Наверное, повлияло. Это некоторый педантизм и послушность по отношению к автору. Ну и когда ты Стейнбека переводишь

В. Голышев с коллегой по университету в городе Марблхед, 1991 год

«П»: ТО ЕСТЬ СЕМЕЙНОЙ ТРАДИЦИИ У ВАС НЕ СЛОЖИЛОСЬ?

В.Г.: Нет, во-первых, мы жили по отдельности. Мать ушла, мне было шесть лет, по-моему. Но мы жили в соседних подъездах. Я остался с отцом. И никакой традиции этой переводческой у нас в квартире не было. Просто надо было что-то делать. Ну вот я знал английский. И книжки любил читать. Но я не сказал бы, что пример матери меня привлекал. Вообще не интересовалась тогда. Что такое перевод, хороший перевод, плохой перевод — меня это не интересовало. Первый раз понял про хороший перевод, когда «Большие надежды» Дикенса прочитал. Мария Фёдоровна Лорие перевела. Почем-то я почувствовал качество этой прозы. Во-вторых, мать читала и я начал интересоваться. И книжки любил читать. Но я не сказал бы, что пример матери меня привлекал. Вообще не интересовалась тогда. Что такое перевод, хороший перевод, плохой перевод — меня это не интересовало. Первый раз понял про хороший перевод, когда «Большие надежды» Дикенса прочитал. Мария Фёдоровна Лорие перевела. Почем-то я почувствовал качество этой прозы. Во-вторых, мать читала и я начал интересоваться. И книжки любил читать.

«П»: СКАЖИТЕ, А ВОТ ВАШИ ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕВОДЫ ЕЛЕНЫ МИХАЙЛОВНЫ, ВАШЕЙ МАМЫ, ОНИ МОГЛИ БЫ СОСТАВИТЬ НЕКУЮ СЕМЕЙНУЮ ТРАДИЦИЮ ПЕРЕВОДЧЕСКУЮ ИЛИ ЭТО СОВЕРШЕННО НЕЗАВИСИМЫЕ ЯВЛЕНИЯ?

В.Г.: Независимые. Я даже тогда не интересовался переводами. Они как-то так возникли. Когда мы институт заканчивали, я первый рассказчик перевёл с приятелем Эриком Наппельбаумом. Мы учились вместе с ним. Он говорит: а давай переведём. Говорю: ну, давай. А потом уже, когда мне надо было уйти с работы... Я отработал три года как инженер. И это была туниковая история. А Изаков был очень крупный международник. Типа Боровика. Ну и погорел в 49-м году. До этого он, по-моему, был разведчиком и работал в Англии и Германии. И он потерял работу. Ему надо тоже что-то было делать. Вот он стал переводчиком. И они как-то сошлись с матерью. Не знаю, как они познакомились. Они переводили пополам всё. Ну, кроме некоторых мелочей. Всё равно, даже если мать одна переведала, она ставила две фамилии.

В. Голышев с однокурсником Юрием Кичатовым после окончания института, 1960-е

Я говорю, а зачем ты ставишь? Она говорит, фирма у нас такая. «Старик и море» она сама переводила. Он не захотел Хемингуэя. Потому что Молотов сказал, что это глупая книга. И он решил, не надо это переводить. Так же, как он не велел ей «Королевскую рать» переводить.

«П»: ВЫ ГОВОРИЛИ, ЧТО ОБЫЧНО ПЕРЕД ТЕМ, КАК БРЯТЬСЯ ЗА ПЕРЕВОД, ВЫ ПРОЧИТАВАЛИ КАКОЕ-ТО КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ, И ПОНИМАЛИ, ЭТО АВТОР ВАШ ИЛИ НЕ ВАШ.

В.Г.: С двух страниц. Не, я прочитал до конца... Но с двух страниц понятно, что ты этого переводить не хочешь. И чем это объясняется, непонятно. Не скажет.

«П»: БЫВАЛО ТАК, ЧТО ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО СОВСЕМ НЕ ВАШ АВТОР, А ВСЁ РАВНО ИНТЕРЕСНО.

В.Г.: Нет, не помню такого. Если не вах, то не интересно и переводить.

Это часть жизни. Ты сидишь, там... ну, я мог и 12 часов в день переводить, пока молодой был. И ты сидишь весь день, общаясь с этими людьми, а не со своими семьями. Ну и не твой, а ты будешь восемь часов в день ковыряться? Это поначалу было, потом уже, особенно после перестройки, по-другому. Ну там уже просто профессиональные дела. Если тебе это не поперёк, можно переводить. А до перестройки только что я хотел, то и перевёл. Это не всегда удобно, потому что тебе это нравится, а другим, может быть, это не нравится. И это неохота печатать. Каждый раз это с препятствиями публикации. Например, со Страйроном. Он что-то сказал про коммунизм, а я полтора года ковырялся уже с романом. Тут же это донесли в редакцию. Сказали, не надо переводить. А у меня уже полкниги переведено. И что я буду делать? А аванс я не брал никогда в жизни.

«П»: А ПОЧЕМУ?

В.Г.: Ну из суеверия. Деньги возьмёшь, а переводчики не смогут.

«П»: И СЛУЧАЛОСЬ ТАК, ЧТО НЕ ПОЛУЧАЛСЯ ПЕРЕВОД?

В.Г.: Нет. Вру, было один раз в жизни. Да, это детектив был Дэншила Хэмметта. Там очень много жаргона. Но у них жаргон есть, а у нас его нет. У нас либо литературный язык, либо феня. А у них есть посерёдке. То, что литературное, но как бы жаргон. У нас следующий этап — это блатная фена. А на неё переводить нельзя. Она сразу смеется куда-то текст в наши края. Вот я затягиваю переводить две новеллы. И вижу, какая-то ерунда получается. И бросил перевод. А через несколько лет сообразил, как это можно сделать. Потому что, как вам сказать, вот этот прилатанный язык можно перевести русским языком, но как-то немножко его переставляя — можно эффекта разухабистости другими способами достичь. Так что лет пятьдесят пролежал, а потом я его перевёл всё равно.

Окончание статьи на стр. 16 -->

<-- Начало статьи на стр. 14-15

«П»: ВЫ В 90-Х ДЛЯ НТВ, ПО-МОЕМУ, КИНО ПЕРЕВОДИЛИ! А ДО ТОГО ОПЫТЫ С КИНО БЫЛИ?

В.Г.: Ну, кстати, был. Меня как-то подруга позвала в Дом кино. Это «Молодой мистер Линкольн» был. И мне надо было переводить его с микрофоном. Когда один говорит или там по отдельности, всё понятно. А когда они галдеть начинают, я ничего не понимаю. Ну я так и говорю, что не понял, чего они кричат. Публика ржала. Но это был двухразовый опыт.

«П»: Я ТАК ПОНЯЛ, ВЫ БЫЛИ ЗНАКОМЫ С ПЛАВИНСКИМ, ЗВЕРЕВЫМ!

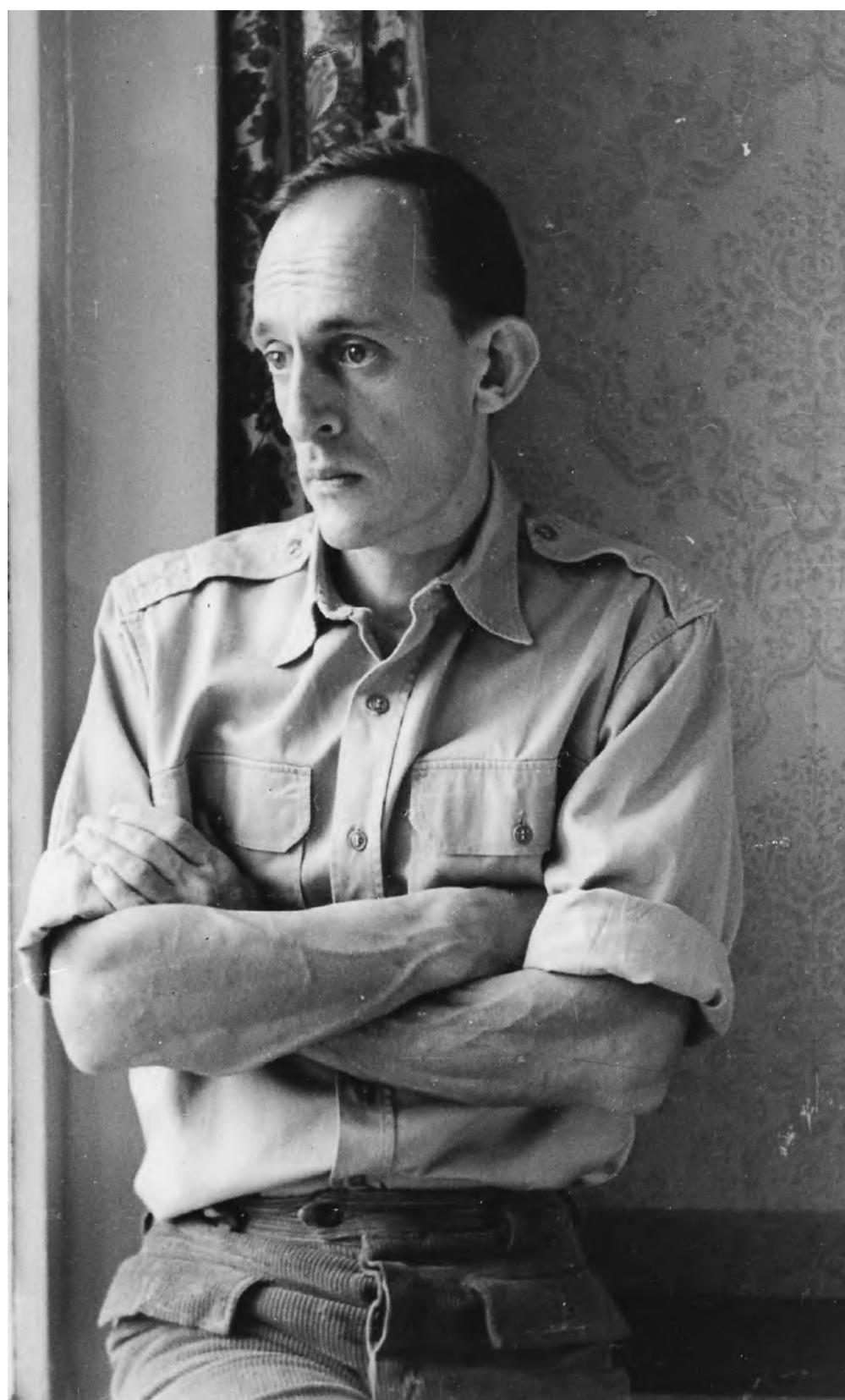
В.Г.: Это преувеличение. Я их видел живых.

«П»: В ТАРУСЕ!

В.Г.: В Москве. Не помню, чтобы я Зверева в Тарусе видел. Я знал, что ему там чувахи сломали руку. На танцах такой «Дикий Запад» был отчасти. Но я его там не видел. Плавинского не помню. Плавинский, по-моему, какое-то время тоже жил в Тарусе. Снимали они дом. И один раз, может быть, он ко мне зашёл, но у нас никаких приятельских отношений не было. А со Зверевым тем более. Зверева я потом на выставках видел. У них на Малой Грузинской был выставочный зал, где этих всех леваков показывали. Вот я его там живого видел. Но не разговаривал. Видел, что он какой-то насмешливый чувак. Ну, по тому, как он с другими разговаривал.

«П»: А ВОТ ЕСЛИ ГОВОРİТЬ ПРО ТАРУСУ, ТАМ СЛОЖИЛАСЬ, КАК СЕЙЧАС ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ, «ТУСОВКА»!

В.Г.: Значит, в конце 50-х и в 60-е годы небольшая тусовка, видимо, была. Литературная. В связи с «Тарусскими страницами», может быть. Они приезжали там, уезжали, кто-то жил в Тарусе. Ну вот туда вроде Казаков иногда приезжал. И даже говорят, одну зиму он провёл в Тарусе. Калужские писатели приезжали. Паустовский жил там. Ну и его ученики из литинститута. А потом как-то в 70-е годы все скисли. Сейчас это в основном художники. Но это уже в более позднее время. У них выставки там каждый год проходят.

Виктор Голышев в квартире на Тишинской площади, 1970-е

«П»: НАСКОЛЬКО МАРШРУТЫ РАЗНЫХ МОСКОВСКИХ ТВОРЧЕСКИХ ЦЕХОВ ПЕРЕСЕКАЛИСЬ?

В.Г.: Не знаю. Я ни в одной тусовке не был. В Союз писателей я не ходил. Когда-то я был членом бюро секции переводчиков. Ну вот на заседания ходил. Там раз в два месяца, может. А так я никак не пересекался ни с кем. Сидишь дома, переводишь. Вот и всё. Такая жизнь однообразная.

«П»: ТО ЕСТЬ В «НАЦИОНАЛЬ», «МЕТРОПОЛЬ» НЕ ХОДИЛИ?

В.Г.: В «Националь» я ходил один раз. Когда второй перевод рассказика вышел. Я с двумя приятелями пошёл отпраздновать. Вот так я и тусовался. В Доме литератора всё время тусовка была. Общались люди. Ресторан был, и всё. Какие-то сносные цены. Но я не ходил.

ЧТО ПИШУТ

Переделкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

Галина Полиди:

драматург

Вместе с Юрием Ряшенцевым закончили мюзикл по «Двенадцатой ночи» для питерской Музкомедии. Взяли сюжет Шекспира за основу, а дальше герои принялись хулиганить — впрочем, вполне в духе автора. Шекспировские шутки и остроты мы постарались сохранить, сделав их по возможности ближе современному зрителю. Музыку пишет питерский композитор Максим Кошеваров.

Я написала для детского театра пьесу о Емеле, в которой одними из главных действующих персонажей

стали ходячие Вёдра и несущие ответственность за прирученных ими людей Коты. Юра тексты музыкальных номеров стилизовал под оренбургские казачьи народные песни.

Сейчас мы работаем с рассказами Андрея Платонова. Перевести его текст в жанр мюзикла, сохранив уникальный платоновский язык и атмосферу, — задача невероятно сложная; кажется, пока получается не очень.

Ну а самое главное, Юрий Ряшенцев, как обычно, как всегда, пишет стихи.

Екатерина Волгина (Маевская):

писатель

«Слова ваши, порядок слов мой», — любил повторять замечательный Лев Аннинский, тоже некогда наследник одной из переделкинских дач. Мне посчастливилось не только соседствовать с ним в Городке писателей, но и несколько раньше быть в его институтском семинаре. И очень горестно, что многое из написанного мною теперь он не узнает. В том числе — недавний рассказ под названием «Врачебная тайна», повествующий о выдающемся докторе, о жизни и смерти, о любви. Как и многие другие, этот текст будет входить в новую книгу. Но об этом позже. А пока «Врачебную тайну» можно будет разгадывать на страницах любимого мною журнала «Юность» уже в сентябре.

«П»: НЕИНТЕРЕСНО ПРОСТО БЫЛО?

В.Г.: Ну а что ты там будешь делать? У меня знакомых мало.

«П»: Я ЗНАЮ, ВЫ ЛЮБИЛИ ДЖАЗ СЛУШАТЬ.

В.Г.: Да, с 55-го года, когда его стали передавать по «Голосу Америки». Ну, это как работа была, каждый вечер. Я сейчас читаю книжку о джазе. Ну, не читаю, а поглядываю. Не знаю уж, сколько я из этого тогда слышал. Но книжка толстенная. Больше времени ушло на неё, чем на изучение этой физики. «Становление джаза» Коллиера.

«П»: А ВЫ ТОЛЬКО ДЖАЗОМ УЛÉКАЛИСЬ ИЛИ РОК-Н-РОЛЛОМ ТОЖЕ?

В.Г.: На рок-н-ролле я это приостановил. Первый рок, который я услышал, был Билл Хейли. Потом-то это стало называться роком, а сначала рок-н-ролл, да. Кого-то я слышал: Элвис Пресли, «Лед Зеппелин». Но эта цивилизация мимо меня прошла. Передадут — послушаю, а так нет. Вот на этом кончилось всё. Это уже их поколение — рок. А я на рок-н-ролле остановился.

Фото из архива В. П. Голышева

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков

Арт-директор: Юлия Дикович

Над номером работали:

Наталья Бакшаева, Марина Белова, Оксана Васякина, Ольга Говорова (Гриб), Екатерина Гуляева, Анна Демчикова, Михаил Курабье, Фарит Нагимов, Валера Полиенко, Алексей Политов, Иван Сухий, Ярослава Танькова, Алиса Тацки, Дмитрий Цыганов
Корректорское бюро «Ёлки-палки»
Отпечатано в ОАО «Московская газетная типография». Заказ №3043. Тираж 2000 экз.
Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение Внуковское, ул. Погодина, 4,
Дом творчества Переделкино
info@pro-peredelkino.org
+ 7 (916) 260-94-88

События и новости Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube